

ТАНЯ ВИНК

ТАНЯ
В
ИНК

Накануне свадьбы с Леной сама судьба привела Дмитрия на берег моря, где в санаторном парке он впервые встретил ее — Настеньку, Настю, Анастасию... Нежную, как лепестки роз, неповторимую, как морской рассвет... Их любовь будет длиться всего четыре дня, за которые они проживут целую жизнь. Дима готов ради Насти бросить все на свете. Словно почувствовав это, Лена прилетит, чтобы сообщить ему о беременности. И Настя уйдет навсегда: она выросла в детском доме, и ей не нужно счастье ценой слез ребенка... Почти тридцать лет рядом с Леной Дима будет вспоминать взгляд любимой, чтобы однажды девушка с такими же глазами чуть не попала под колеса его машины... Неужели судьба решила подарить ему второй шанс?..

Шурша камнями, теплое море лизало подножие скалы.

— Посмотри, здесь так красиво, — сказал он.

— Нет-нет, я боюсь.

— Иди, со мной можешь не бояться.

Настя подошла ближе и доверчиво вложила маленькую ладонь в его руку.

— Посмотри вниз, я буду тебя держать. — Он обеими руками обхватил ее за талию.

Она подалась чуть вперед, а он забыл обо всем, обнимая фигурку, трепещущую в его руках.

— Удивительно, — прошептала Настя. — Всего лишь камни, а так красиво!

Сколько женщин он обнимал, но никогда его сердце не билось так радостно. Он старался усмирить его, а оно буквально выпрыгивало из груди и кричало: «Это она, ты искал ее и нашел!»

ПРОСТИ
за
ЛЮБОВЬ

ПРОСТИ
за
ЛЮБОВЬ

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3765-5

9 785991 037655

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-1694-5

9 786171 1216945

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

u

ТАНЯ ВИНК

ПРОСТИ
за
ЛЮБОВЬ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2017 ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)
В48

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

ISBN 978-617-12-1694-5 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3765-5 (Россия)

- © Винник Т. К., 2016
- © DepositPhotos.com / kefire, обложка, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2017

ГЛАВА 1

— Это не я! Я не хотела!

Лена проснулась и посмотрела на другую половину кровати. От сердца отлегло — там было пусто. Она приподнялась на локте, взбила подушку и снова легла.

Ну вот, она так старалась не кричать, но все напрасно — как ни старайся, а во сне действуют свои правила. Хорошо, что Дима уехал. Конечно, она счастлива, когда муж рядом, но его пугают эти крики. Он предлагал сходить к психологу, сказал, будет рядом сидеть, за руку держать, но что она скажет этому психологу?

Правды она не скажет никому.

На часах без десяти восемь. Дима наверняка проснулся, уже можно позвонить, услышать «доброе утро», представить, как он поглаживает пальцами висок, как улыбается. Никто так не улыбается, только он — по-детски беззаботно, озорно, на все кривые зубы. Он хотел сделать коррекцию, но она долго отговаривала. И он согласился, потому что любит ее. Потому что знает: она тоже любит его больше жизни. Это не просто слова, так и есть.

Она посмотрела на телефон. Нет, сейчас она не будет звонить, она позвонит в половине девятого, он как раз будет в дороге. А то потом как сядет в свое кресло — и все, с головой уйдет в работу.

Она накинула халат и, шлепая босыми ногами по холодному полу, пошла в кухню. Хотелось кофе, но, увы, нельзя. Включила чайник, затем телевизор, вынула из холодильника пакет с соком и забралась на высокий стул.

По телевизору шла сказка о любви, «Вечное сияние чистого разума».

— Какого черта?! — воскликнула Лена и переключила канал.

Здесь крутили рекламу — обворожительный мачо дарил возлюбленной шоколад.

— Да чтоб тебя! — она замахнулась пультом на экран.

Это неправильно. Мама говорила: «Эмоции надо сдерживать, тогда все будет хорошо». Она сдерживает эмоции, даже когда они бьют через край, — и где оно, это хорошо? Нет его! Просто у каждого свое «правильно» и свое «хорошо». И никто не знает, как ей плохо, и никогда не узнает, потому что о таком не рассказывают. Она выключила телевизор и спрятала сок в холодильник.

Восемь утра. Зазвонил телефон. Это был прораб, а не Дима.

— Я вас не разбудил?

— Нет.

— Стройплощадка готова.

— А мусор вывезли?

— Конечно, последняя машина ушла в час ночи. Когда вы встречаетесь с Григорием Михайловичем?

— В субботу.

— Отлично. Надеюсь, вам понравится его проект. Хороших выходных.

— И вам тоже.

Господи, ну почему она не настояла на своем и не продала дом? Он же ей принадлежит по завещанию. А потом купили бы где-нибудь в районе Алексеевки, у озера, например. И все решилось бы само собой: с глаз долой — из сердца вон. Но Дима и слушать не хотел — мол, только полный идиот меняет Шатиловку на Алексеевку, пусть даже с озером. Озеро — это комары, а здесь никаких комаров, красивый сад, сосны по периметру, соседей не видно. Центр города, до метро пять минут пешком. Что еще надо? Если ей не нравится дом, то его можно перестроить, он не против.

Она не хочет перестраивать. Она снесла его к чертовой матери! Узнав об этом, Дима поворчал, а потом пошло-поехало: выбор проекта, затем хороших строителей... Наброски, планы: вот тут будет детская, тут — столовая. Детская комната должна быть солнечной, с террасой, видом на сад, площадку для игр... Она по уши в делах, некогда сидеть и пляситься в потолок, ждать субботы. Но Дима теперь редко приезжает даже на выходные.

Он не виноват, он работает как вол. Он вернется в Харьков насовсем, как только родится ребенок.

Мечта о ребенке и любовь к мужу — единственное, ради чего она живет. Больше у нее ничего нет. Нет здоровья, хотя врачи утверждают обратное. Если она здорова, почему не может родить? Почему носит, носит — и вдруг...

Да, она нервная, издерганная, по десять раз на день звонит мужу, чтобы услышать его голос. Рассказывает про визиты к врачу, про стройку, про разную чепуху — кого видела, кто звонил. Шутит, старается быть веселой, а он слушает, поддакивает и тоже смеется.

Она сунула телефон в карман и пошла в гардеробную. Открыла шкаф, сняла с вешалки плащ и зарылась в него лицом.

Синий плащ... Он был на Диме, когда она впервые его увидела. Она пришла к маме на работу, в больницу, а он шел по коридору. Она увидела его и онемела. «Ты чего?» — спросила мама. А она стояла как дурочка и плялилась на незнакомца. Мама увлекла ее за угол: «Да это сын Ларки Хованской!» — и попросила Лену закрыть рот. Лариса Алексеевна Хованская училась с мамой в одной группе, работала в военном госпитале и два раза в неделю вела прием больных в областной больнице.

Целую неделю с Леной творилось неладное. Она отвечала невпопад, натыкалась на людей и мебель, в кондитерской «Бисквит» долго смотрела на продавца и не могла собраться с мыслями — что же она хотела купить? На работе куда-то подевала ключ от сейфа с документами «Для служебного пользования». Неизвестно, куда завела бы ее стрела Купидона, но все эти непонятности конкретизировала пышногрудая Тайка, старшая машинистка обкома. «Ты что, девка, влюбилась?» — спросила она, не отрывая взгляда от каракулей помощника второго секретаря, потом, печатая одной рукой, другую сунула за пазуху и быстрым движением подтянула бретельку бюстгалтера.

— С чего это вы?.. — попыталась отбиться Лена.

Тайка скривилась:

— Я-то ничего — все на твоей роже написано.

Лена хотела послать Тайку, но прикусила язык, потому как Тайка была не только старшей машинисткой — она была особой неприкасаемой. Вещи на ней были не из центрального

универмага — одни сапоги на черном рынке тянули на двести рублей, а их у нее было шесть пар. Дубленка за полторы тысячи, сумки разные. Это при зарплате в сто десять рубликов. А уж платья и костюмы! Они были предметом всеобщей зависти. Надо учесть, что ей завидовали работницы обкома, допущенные до номенклатурной кормушки, а не нищие инженеры какого-нибудь НИИ «Промстройтяпка». У нее была двухкомнатная квартира в сталинке в начале Московского проспекта, каждый год она ездила то в Сочи, то за границу, то в круиз. Как вернется — месяц рот не закрывает, рассказывает, но это не мешало работе: Тайка умела одновременно говорить и печатать, не делая при этом ни одной ошибки. На «Адмирале Нахимове», который потом трагически ушел под воду, она подружилась с Гомиашвили, актером кино, он играл Остапа Бендера, и очень этим гордилась, потому что товарищ Бендер подкатил к ней со словами, что она самая элегантная женщина не только на судне, но и вообще... Тут Тайка делала паузу — мол, сами догадывайтесь, что было дальше.

На какие шиши все это покупалось? Мужа у нее не было, родители — рабочие тракторного завода. А вот на такие — Тайка была обкомовской проституткой. Она ублажала в гостиницах киевское начальство и разнокалиберных инструкторов. Они дарили ей вещи и бонусы, на которые можно было отовариться в «Березке». И еще за такую тяжелую работу она получала деньги от одного мерзкого типа, второго помощника первого секретаря — много лет спустя его нечаянно подстрелили на охоте. Работа действительно была тяжелой. Тайка, конечно, не распространялась об этом, Лена все знала от мамы, а мама — от папы, обкомовского работника. Тайка была не одна — при обкоме состоял целый штат таких дамочек, но она была лучшей, и ее запрашивали самые важные гости.

После слов Тайки Лена покурила в туалете — тогда она еще могла себе это позволить, — послонялась по коридорам и решила вечером поговорить с мамой. Потому что без Димы не видела смысла в жизни. Мама попросила тайм-аут для разведки.

Через неделю мама сказала, что Дима перспективный, и они пошли к Хованским в гости. Не просто так — была веская при-

чина: Тамара Николаевна и Лариса Алексеевна закончили медицинститут ровно двадцать пять лет назад.

Через год Лена и Дима поженились — это было самым счастливым событием в ее жизни. А потом было всякое. Нет, он не изменял ей — если бы изменял, она бы убила его. А потом себя. Невыносимая мука вот так любить: чем дальше, тем мучительнее, но даже если бы она с самого начала знала, через что пройдет, все равно не отказалась бы от своей любви. Ни за какие земные блага. Как можно отказаться от наслаждения слышать его голос, прижиматься носом к ложбинке над ключицей, вдыхать его запах, целовать плечи? Смотреть, как он в задумчивости поглаживает висок, как пьет, ест. Особенно когда голоден, когда откусывает большие куски и проглатывает почти целиком. А потом ляжет на диван и сразу засыпает. А она садится поблизости и смотрит, смотрит... У него красивое тело, сильные руки. С годами он становится все более привлекательным, а она... Нет, не становится. Но Дима говорит, что сейчас она лучше, чем когда они впервые встретились. Любимый врунишка... Когда он рядом, она млеет оттого, что он рядом, пусть даже его мысли где-то — ей больше ничего не нужно, ведь она больна самой сладкой болезнью во вселенной — любовью. Да-да, любовь — это болезнь, она приравнивается к наркомании и алкоголизму, у нее даже есть свой шифр в международном классификаторе болезней F63.9. Лена верит в магию чисел, вот и тут она сложила цифры: $6+3+9$, получила 18. А что такое восемнадцать? Три раза по шесть, 666... Она больна дьявольской болезнью. Это правда.

Лена повесила плащ в шкаф и прижала ладонь к еще маленькому животу. Дима далеко, но его частичка зреет в ней. Это счастье...

И горько заплакала.

* * *

Мало кто любит февраль. Вот март — это другое дело. А если начистоту, то после января должен быть март.

Февраль любить не за что: серый, грязный, морозный. Не месяц, а сущее наказание. Под ногами коварный лед, над головой

такие же коварные сосульки — все время чувствуешь себя беспомощной мишенью. Все проклинаешь, увидев в «Синоптике» веселенькую фразу: «Долгожданный февральский морозец...» Ложь! Никто его не ждал. Из-за него столько страданий! Окоченевшие колени, пальцы, красный нос с каплей на кончике, обувь, покрытая белыми разводами. Эти разводы остаются навсегда! Холод настолько влажный, что не спасает даже суперпуховик. К концу месяца так устаешь от непогоды, что нет сил ни на работу, ни на вечеринки, ни на шопинг. Не хочется высовывать нос не только на улицу, но из-под одеяла тоже. Не нравится тот, кого видишь в зеркале. Все валится из рук, даже руль автомобиля.

Скорее всего, День влюбленных празднуют для того, чтобы хоть как-то оправдать существование этого нелепого месяца, в котором даже количество дней непостоянно. Ну, и еще чтоб вытрясти денежки из окоченевших влюбленных — окоченевших не душами, а телом. С первого февраля магазины устраивают скидки, подтягивая ко Дню влюбленных еще и женский праздник, но покупателей все равно раз-два и обчелся — не всем по карману даже со скидками. В основном в магазины заглядывают озябшие. Погреться и заодно поглазеть. В восемь утра темно, приполз с работы — темно. Даже котов во дворе нет — они не дураки, сидят в подвалах на трубах отопления, марта ждут. Вот первого марта все будет иначе, даже если мороз. Не важно. На календаре март — и точка! И этот, в зеркале, так улыбается! А чего не улыбаться — весна!

Но в Киеве пока февраль, утром туман, днем слякоть, вечером тонкая корочка льда на ступеньках у подъезда. Шлепнешься — и обязательно ругнешь дворника, расторопного и улыбчивого трудягу, будто он один должен сражаться с этой погодой.

Дима тоже боролся с февралем как мог. На работу ездил к десяти, а то и к одиннадцати — он же директор. Он сам все придумал, сам нашел специалистов, сам распределил полномочия и обязанности, и теперь ему оставалось только контролировать и вмешиваться там, где без него никак. А вот Яровой приходил раньше всех, в начале девятого, сразу после выгула собаки. С Юрой Яровым они учились в инженерно-строительном ин-

ституте и единственные из всего курса получили дипломы с отличием. Потом работали в разных местах, а Юра еще закончил исторический факультет университета — так, ради интереса.

Однажды они встретились в метро. Юра сказал, что работа у него нудная, что зря потратил время на строительный институт, а Дима послушал и предложил посмотреть, над чем работает его фирма. Юра посмотрел и остался. Некоторые умники утверждали, что археолог-шизофреник (почему археолог обязательно шизофреник, Дима так и не понял) развалит успешное предприятие, и ошиблись — через полтора года они запатентовали первое изобретение, а потом еще четыре. И это благодаря Юркиным «шизофреническим» дотошности и скрупулезности.

Когда Дима предложил завоевывать Киев, холостяк Юра без колебаний покинул родной Харьков. Ему было все равно, где жить, — от перемены места жительства его привычки не менялись. Собрался Юра быстро: положил в машину множество картонных коробок с коллекцией древностей, добытых на раскопках, посадил лабрадора Давинчи на переднее сиденье, закрыл квартиру и уехал. В Киеве жила его сестра, очень занятая дамочка, у которой не было ни мужа, ни детей — только бизнес. Она с удовольствием приняла Юру со всем добром и свалила на него домашние дела, вплоть до уборки. Домой она приходила только ночевать, да и то не всегда. Отпуска Юра проводил в археологических экспедициях в качестве внештатного сотрудника исторического музея, откуда привозил очередной артефакт. Но он не был стопроцентным ботаником, несмотря на очки и гладкую, как бильярдный шар, голову. От ботаников он отличался маленькими черными усиками, почти как у Пуаро. Они топорщились, когда Юра думал, и блестели, когда он пил водку или обсуждал футбольный матч.

За завтраком Дима проверил почту. На работе времени не будет: такое впечатление, что сотрудники сидят в засаде и ждут, когда придет шеф, чтобы броситься к нему со своими проблемами. Он открыл ящик и улыбнулся — пришло письмо от отца Николая. Священник поздравлял с днем ангела — даже открытку прикрепил — и сообщал, что все хорошо.

Они познакомились два года назад. Отец Николай, которому было лет около девяноста, сколько именно — никто не знает, приехал в офис с помощником совершенно расстроенный. Помощник был более спокоен. Он показывал снимки, а отец читал: «Чем прогневали?», «За что такая кара?» — и заглядывал в глаза, будто Дима с Юрой знали ответ. На снимках была церковь второй половины восемнадцатого века, стоящая над рекой на высоченном холме. В фундаменте со стороны склона была трещина, в которую можно было просунуть спичечный коробок. Собственно, он там уже торчал, помощник позаботился и сунул — для наглядности. Удивительно, как церковь простояла почти двести пятьдесят лет на таком крутом склоне! Настолько крутом, что по нему невозможно было спуститься к реке, разве что кубарем скатиться.

От Киева до церкви ехали почти два часа в сторону Харькова. Сильный ветер гонял по шоссе белых мух, и помощник сокрушался, что в этом году земля голая, что урожай озимых пропадет. Немного поглазев по сторонам, уже потеплевшим, умиротворенным голосом он сообщил, что люди потянулись в церковь как никогда. Война потому что или какая другая причина... Один Бог знает, но церковь вот в кои-то веки смогли отремонтировать.

Тут и сама церковь показалась из-за леса — изящная, с яркосиними куполами, усеянными золотыми звездами, она будто парила над землей.

— Нам сказали, что только вы можете остановить этот ужас.

Помощник подвел их к трещине в фундаменте. В паре метров от нее располагалась могила известного филолога конца девятнадцатого века. Он хотел лежать здесь, над рекой, поэтому щедро помогал церкви.

— Наша церковь очень крепкая, — бормотал помощник, пока священник ходил взад-вперед и нервно теребил бороду, — фундамент на яичных желтках...

— Органические добавки не влияют на качество фундамента, это доказано, — вставил Юра. — И бычья сперма не влияет,

это тоже доказано, еще при Советском Союзе. На доказательство потратили два с половиной миллиона советских рублей.

Лицо помощника исказилось, будто у него внезапно заболел зуб.

— Мы только ремонт закончили. — Он поднял руки к куполам, будто взывая к ним. — Звезды из сусального золота. Видели бы вы, как они на солнышке сверкают. — В его глазах сверкнули слезы. — К нам миряне за тысячи километров приезжают, говорят, место божественное. А что теперь будет? Что мы им скажем? — Он тяжело вздохнул.

— Не надо ничего говорить, — пробасил священник, — надо молиться и работать не покладая рук. — Отец Николай остановился и обвел церковь взглядом. — Большевики тут коней держали, фашисты боеприпасы хранили, потом мебельный склад был... Тьфу! — сплюнул он в сердцах. — Видели б вы ее до ремонта. Ни одного живого места, вся ободрана и обстреляна. — Он нежно, с любовью, будто по живому, провел ладонью по теперь уже гладкой стене.

— Ну что, вы можете остановить разрушение фундамента? — спросил он после недолгого молчания.

Дима и Юра переглянулись.

— Да, мы можем укрепить фундамент и грунт, — ответил Дима, — но на какое время это спасет церковь, стоящую на таком крутом склоне... — Дима пожал плечами. — Для этого нужны гидрогеологические исследования.

— Спасать церковь не ваша работа, это работа ангела, — ответил священник, будто речь шла о председателе сельсовета.

Грунт зацементировали, откосы укрепили, и теперь раз в квартал в село наведывался инженер, маячки проверял. К счастью, их положение не менялось. А батюшка тем временем молился за спасение душ Димы и Юры, сотворивших богоугодное дело. Юра как-то сказал, что стал спокойнее, рассудительнее, наверное, молитва так работает. Дима только посмеялся.

Он уже выходил из квартиры, когда позвонила жена.

— Доброе утро, любимый.

— Доброе утро, Леночка. Как спала?
— Без тебя я плохо сплю. Как ты?
— Нормально. Дорогая, я спешу. — Он нажал кнопку лифта.

— Что случилось?

— Ничего особенного — работа.

— Фух, напугал.

— Я позвоню тебе позже.

— Позже? — Ее голос заметно дрожал. — Когда?

— Ближе к обеду.

Она всхлипнула.

— Я скучаю по тебе-е-е... Мне так одиноко-о-о... — И она заревела.

— Лена, ну нельзя же каждый день хныкать. Подумай о нашем ребенке.

— Я все время о нем думаю-у-у...

И пошел привычный текст о том, что он не ходит с ней по врачам, не водит в театр, не разговаривает с малышом. Да, он кроха, но ему нужно слышать голос папы.

Дима не перебивал. А зачем? Ее капризы вполне природны. В детстве, отдыхая в деревне у бабушки, он слышал рассказы беззубых старушек о том, как они носили и рожали детей. «Ох, еле выносила! Ругались с муженьком каждую минуту. Как увижу его, аж синею от злости, в душе все переворачивается: он петухом ходит, а я ни спать, ни есть не могу, меня всю аж наизнанку выворачивает. Сколько раз нож откидывала — боялась, что прирежу, прости Господи! — Тут старушка крестилась. — А уж как рожать приспичило... Ой! Так мне плохо было, только что смерти у Бога не просила. Повитуха на меня матом — мол, нечего жалиться, никто тебя под мужика не подкладывал! Тужься, корова! Мои зенки из орбит лезут — и что я вижу?! Матерь Божья! В углу на веревке штаны висят. Уберите, кричу, чтоб ему все отсохло! И родила. Да... Полежала... Смотрю, не хватает в хате чего-то... Сердце сжалось... Слезу утерла. Говорю, мол, штаны на место повесьте». Тут все смеялись, и Дима тоже смеялся, но тогда он еще не знал почему.

— Успокойся, милая, — ласково сказал он. — Ну что ты себя накручиваешь?

— Это ты меня накручиваешь — не приезжаешь. Почему ты не приезжаешь?..

— А ты как думаешь? — Дима сел в машину. — Я должен работать и зарабатывать. Для нас.

Лена всхлипнула и сказала более-менее спокойным голосом:

— Площадку уже расчистили. Я договорилась с Гришей на субботу.

— На какое время?

— На двенадцать.

— Я постараюсь приехать.

— Хорошо, постарайся.

— Договорились. Целую, береги себя.

— И ты тоже...

Да, он не хочет строить дом. А что, старый был плохой? Нет. Он тоже был из кирпича, крыша — из настоящей черепицы. Он простоял восемьдесят лет, мог бы еще пятьдесят простоять. Коробку и крышу можно было оставить, только внутри все поменять, но Лена заупрямилась. Мол, дом напоминает об ушедших родных и она здесь больше плачет, чем радуется. Этот дом и двадцать соток земли еще до войны получил ее дедушка, обкомовский начальник. После его смерти Ирина Андреевна, бабушка Лены (она до последнего вздоха работала в КГБ, на Совнаркомовской, окна кабинета выходили на Зеркальную Струю), приватизировала дом и землю и составила завещание в пользу дочки Тамары Николаевны. А сыну завещала свою квартиру на Пушкинском въезде, что тоже было неплохо.

В доме Хованские не жили, только летом приезжали — шашлыки пожарить, в саду посидеть. Без заботливых рук дом потихоньку разрушался, сад приходил в негодность, ворота поржавели, и на них уже стали приклеивать объявления «Куплю дорого!». На шашлычный дымок заходили назойливые соседи и просили продать участок куму, свату, брату... Озвученные суммы смешили Диму, а покупатели пучили глаза и растопыривали пальцы:

«Что ж ты хочешь, братан, — инфляция, депрессия, экономика в упадке...» — «Да ничего я не хочу и продавать не буду». По вечерам жена устраивала истерики, и Дима сдался: строй новый! Да и ребенку в новом доме будет лучше.

Про каждодневное зарабатывание он тоже наврал. Фирма работает как хорошо отлаженный механизм, и при желании он может руководить из Харькова. Но такого желания нет.

Это случилось семь лет назад. Он стоял у окна своего кабинета в Харькове и смотрел на мостовую. Представил, что сейчас поедет домой той же дорогой, войдет в тот же подъезд, сядет на тот же диван, снова будет делать вид, что слушает Лену. А Лена, как вчера и позавчера, будет сокрушаться, что бросила хорошую работу, что не хотела, но превратилась в домохозяйку. Поплачет, а потом вдруг начнет радоваться, что спит сколько хочет, с удовольствием занимается домашним хозяйством. И от этих мыслей по его спине пополз леденящий холодок.

Он вышел из офиса, свернул за угол, к автомобилю, и тут порыв ветра чуть не вырвал зонт из его руки. Кляня погоду на чем свет стоит, он добежал до машины. Захлопнул дверь, вставил ключ в замок зажигания — и вдруг к лобовому стеклу прилипла газета. Не клочок, а целая газета, будто кто-то нарочно развернул ее и прилепил. Он включил дворники. Газета смялась, порвалась, но в левом нижнем углу остался кусочек с жирным текстом: «Киев. Сдаются в аренду помещения в офисном здании». Надо же... Пару месяцев назад они с Юрой предположили, что было бы неплохо открыть представительство в Киеве. Тогда он поделился с Леной, и она одобрила — она одобряла все его начинания. Но дальше рассуждений не пошло, не было времени. Сейчас времени тоже не было, но Дима взял телефон и набрал номер, указанный в объявлении.

— Добрый вечер. Я бы хотел завтра утром посмотреть помещения в офисном здании.

Он назвал номер объявления и, получив положительный ответ, позвонил жене:

— Леночка, я срочно еду в Киев, кажется, есть то, что нам надо.

— Ты о чем?

— Можно взять в аренду офисное помещение.

— А чего ты вдруг?

— Какое «вдруг»? Мы уже не раз об этом говорили, пора что-то делать.

— А где оно, это помещение?

— На левом берегу, где-то в центре, больше ничего не знаю.

Увижу — сразу позвоню.

— Но ты устал, ты голодный...

— Ничего, я в дороге подкреплюсь.

— Ох, сейчас такой ливень... А завтра нельзя?

— Завтра может быть поздно.

— Что ж... Поезжай. Желаю удачи... Я с удовольствием поживу в столице... Не гони, дорога скользкая.

Первый раз он остановился на заправке недалеко от Полтавы, в тридцати километрах от деревни, в которой когда-то родилась его мама, подкрепился мясом в горшочке и кофе без молока. Вторая остановка была в четыре утра в Киеве, во дворе гостиницы, а в десять он стоял у окна своего будущего кабинета и смотрел на золотистые купола маленькой церквушки.

— Я готов подписать договор, — сказал он и с той поры ни секунды не жалел о своем решении.

А уж как обрадовался мамин брат, дядя Валя! В детстве они вместе отдыхали на море, и дядя Валя возился с Димой больше, чем родители: он был всего-то на четырнадцать лет старше Димы. Он называл Диму Малышом, а себя — Карлсоном. Он так и остался Карлсоном, добродушным и очень симпатичным холостяком. Ему было за шестьдесят, но он все еще был мужчиной в самом соку: высокий, плотный, а ближе к зиме — довольно полный. Он любил вкусно поесть и обожал готовить, а весной и летом отправлялся в Трускавец на воды, сбросить десяток килограммов. Дядя Валя, как и мама, закончил мединститут и работал психиатром, а потом защитил одну диссертацию, другую и уехал в Киев.

Дядя Валя подружился с Яровым, и Юра бывал у него чаще, чем Дима. Лысина Юры залоснилась, бока округлились, и с позапрошлого года они отправлялись в Трускавец вместе, оставляя лабрадора в собачьей гостинице.

Жил дядя Валя в большой двухкомнатной квартире за Пасажем, на улице Заньковецкой. Первый месяц Дима прожил у него, чему дядя Валя был страшно рад. Он угощал Диму редкими блюдами, доведя его вес до цифры, от которой у Димы темнело в глазах. Эту вакханалию остановила Лена, сообщив, что намерена приехать в Киев на пару месяцев. И Дима снял квартиру рядом, на Городецкого.

Сначала Лена была уверена, что это ненадолго, что Дима подготовит киевского директора и они вернутся домой. Через пару месяцев она заныла, что Киев ей надоел, что она обошла все музеи, была на всех выставках, что в театре они были всего два раза — Диме все некогда, — поэтому она уезжает домой: сидеть в четырех стенах она не намерена. Уехав, Лена во время телефонных разговоров шутила, что разлука им только на пользу: ожидание встречи и все такое, но хорошо бы жить вместе. В итоге через полгода купили в Киеве квартиру, чтобы не выбрасывать деньги на съемную и потому, что это разумная инвестиция. Квартиру нашли быстро — в новой высотке недалеко от офиса, пять минут на машине, если без пробок, но пробки были всегда. Если пешком — то десять минут наискосок, дворами, по тихим зеленым улочкам. Кредит взяли в гривне. Предлагали в валюте на более выгодных условиях, но Дима никогда не шел на это: валюта — дама капризная, подорожает и оставит без штанов.

После завершения ремонта они первый раз поссорились по крупному — она заподозрила, что Дима не собирается возвращаться домой, хотя и подчеркивает, что Киев для него чужой, а Харьков — лучший город на планете. Он сейчас на крыльях полетел бы, только вот загвоздка — некому доверить разросшееся хозяйство. Нет подходящего специалиста — и все тут! А потом начался Майдан и Дима отправил жену домой. И запретил приезжать.

Она звонила и плакала. Он терпел. Потому что жалел.

Дмитрий проехал один квартал и остановился. Ничего, на работе подождут, а он посидит и покурит. Но сигарета нервы не успокоит, это всего-навсего хватательный рефлекс. Тогда зачем курить? Ответа нет, как нет ответа на вопрос, зачем он бежит от Лены, вместо того чтобы быть рядом: она же беременна. Не первый раз, а шестой. Из них два последних раза — экстракорпоральное оплодотворение. Лена не хотела искусственно — хотела естественным путем, но врачи настояли, и она согласилась.

Он тоже согласился.

Зачем? Ведь ему уже ничего не хочется. А может, хочется, но не с Леной?

Ответ на эти вопросы был. Он не давал уснуть. А если Дима и засыпал, то только до половины четвертого. Он честно признавался себе, зачем все это делает. Потому что все еще любит Настю, и эта любовь так же сильна, как и четверть века назад. Он ничего не забыл, ни одной минуты из тех четырех дней, самых счастливых в его жизни. Он даже ночи помнил, потому что почти не спал. Ему казалось, что все время горит яркий свет, будто включили тысячу хрустальных люстр. И сердце стучало как бешеное. Он помнил всех, кого встречал, они казались такими симпатичными — и дежурная на переговорном пункте, и продавец цветов на базаре, и даже комендант корпуса... Он помнил, с кем говорил, о чем думал, какая была погода. Помнил запахи, цвета, помнил глаза Насти, серо-голубые, помнил улыбку, жесты, смех, походку. Он помнил все, будто появился в этом мире только затем, чтобы прожить эти четыре дня, потому что до этого не жил. И после этого тоже не жил. Он тысячи раз прокручивал в голове последнее утро, последнюю встречу и каждый раз размышлял, что же надо было сказать Насте, чтобы она осталась с ним.

Из-за кустов выбежала девушка, за ней парень со снежком в руках. Смеясь, девушка побежала к машине Димы, и снежок плюхнулся на лобовое стекло. Заработали дворники, и парочка испуганно отскочила в сторону.

Юноша вскинул руку:

— Звезда падает! Загадай желание!

— Ты что, нет там никакой звезды! Утро же! — возразила девушка, но в небо посмотрела.

— Какая разница! Загадай желание!

«А какое у меня желание?» — подумал Дима, глядя в пасмурное небо, будто в нем должен был вот-вот появиться ответ. Чего он хочет? Да, хочет, но уже ничего нельзя изменить. Нельзя вернуть Настю, нельзя вернуть молодость. И не надо будить уснувшую любовь — пусть она спит, ведь, проснувшись, она может умереть от того, что увидит.

Но одно желание еще может стать реальностью — ребенок, которому он отдаст свое сердце и всю неистраченную любовь. И подарит весь мир. Как часто он представлял, что берет малыша на руки, показывает ему солнечные лучики на полу, листья на дереве, кормит бродячего пса и спасает замерзающего котенка. А потом, когда малыш подрастет, он прочтет ему «Маленького принца» и расскажет сказку о девочке, у которой, так же как и у принца, никого не было, кроме розы... О том, как она отказалась от любви и счастья потому, что не хотела сделать больно еще не родившемуся человеку. «Нет, не тебе, малыш, а твоему старшему братику или сестричке, которые так и не пришли в этот мир... Прошу тебя, малыш, приди, и тогда моя жизнь наполнится смыслом. Приди и спаси меня...»

Дима повернул ключ. Двигатель тихо заурчал.

Он отъехал от тротуара и включил музыку. Переведя глаза на дорогу, он увидел, что впереди на мостовую опускается какая-то фигура.

Дима резко затормозил и крутнул руль влево, избегая столкновения. Это ему удалось. Выругавшись, он выскочил из автомобиля. На мостовой лежала девушка. На боку. Глаза закрыты, лицо спокойное, будто спит. Дима склонился над ней. Откуда ни возьмись собралась толпа.

— Олигархи, мать вашу, житья из-за вас нет!

— Да не виноват он, она сама бросилась под колеса!

— Не бросилась, а упала!

— Да ладно, нечего тут защитницей выступать! Говорю, ей деньги нужны, вот она и бросилась под дорожную тачку! Они теперь все так делают!

— Ага! Сначала шмотки в окно выбросила, а потом под машину бросилась! Ну и мудило ж ты!

Зеваки уже готовы были сцепиться, с любопытством косясь на девушку: жива — не жива? Девушка шевельнулась и открыла глаза.

— Не двигайтесь! — сказал Дима.

Но она попыталась встать.

— Да лежите вы!

— Мне холодно!

Она умоляюще посмотрела на него. В горле вмиг пересохло — такие глаза были у одной женщины во всей вселенной. Нет, не глаза, а то, что в них... там, в глубине.

— Конечно, холодно, но надо лежать: вдруг вы что-то сломали?

Она пыталась сопротивляться:

— Да ничего я не сломала! Пустите!

— Не вертитеесь, я помогу.

Дима взял ее под мышки и осторожно посадил. Она дрожала.

— Я встать хочу! — Она покосилась на толпу и перевела взгляд на Диму. — Чего они смотрят?

— Чего? Любопытство, знаете ли...

Она повернула голову к машине:

— Я на дороге?

— Да, вы упали на дорогу, и я вас чуть не переехал.

— Упала на дорогу? — девушка с удивлением уставилась на Диму, но вдруг скривилась и прижала руку к затылку. — Мне надо встать...

— Не разрешайте ей! — крикнула женщина из толпы. — Вдруг помрет — что тогда вам делать? Пусть сидит, пока скорая не приедет. Я сейчас вызову, — она помахала телефоном.

— Ага, буду я тут сидеть, пока задница к дороге не примерзнет! — огрызнулась девушка и снова заерзала.

Літературно-художнє видання

ВІНК Таня
Прости за кохання

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Т. М. Куксова*
Редактор *І. Г. Веремій*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 20.12.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Агро». Ум. друк. арк. 12,6. Наклад 10 000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ВІНК Таня
Прости за любовь

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Т. Н. Куксова*
Редактор *И. Г. Веремей*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Агро». Усл. печ. л. 12,6. Тираж 10 000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Щоб зрозуміти, що зустрів справжнє кохання, не потрібно багато часу. Дмитро приїхав сюди, до одеського санаторію, напередодні власного весілля. І зустрів її... Настю, добру, ніжну дівчину, яка багато пережила в дитячому будинку, але не забула, що таке любити... Вони розлучаться назавжди, коли наречена Дмитра повідомить про вагітність. Дитина не повинна зростати без батька, адже Настя знає, як це боляче... Майже тридцять років Дмитро проживе не своїм життям разом із нелюбою. Чому в іншому місті йому краще, ніж удома? Але якось він випадково зустрінеться з дівчиною і не зможе відвести очей — так схожа вона на його перше і єдине кохання...

Винк Т.

В48 Прости за любовь : роман / Таня Винк. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2017. — 240 с.

ISBN 978-617-12-1694-5 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3765-5 (Россия)

Чтобы понять, что встретил настоящую любовь, не нужно много времени. Дима приехал сюда, в одесский санаторий, накануне собственной свадьбы. И встретил ее... Настю, добрую, нежную девушку, много пережившую в детском доме, но не разучившуюся любить... Они расстанутся навсегда, когда невеста Димы сообщит о беременности. Ребенок не должен расти без отца, ведь Настя знает, как это больно... Почти тридцать лет Дима проживет не своей жизнью вместе с нелюбимой. Почему в другом городе ему лучше, чем дома? Но однажды он случайно столкнется с девушкой и не сможет отвести глаз — так похожа она на его первую и единственную любовь...

УДК 821.161.1(477)

ББК 84(4Укр=Рос)